

Временем надежд, радостных и захватывающих планов традиционно считается весна. Актеры же свои надежды связывают с приходом осени, когда в театрах начинается новый сезон.

Новый сезон — это новые спектакли, новые авторы, а самое главное — новые роли, которые дадут возможность открыть актерам себя в чем-то новом.

4 октября театр им. Я. Коласа открыл

свой очередной, предъюбилейный сезон (в 1976 году театру исполнится 50 лет) премьерой спектакля «Віцебскія званы» по пьесе В. Короткевича. Спектакль посвящен 1000-летию города Витебска. Владимир Кулешов сыграл в нем роль униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, человека сложного, противоречивого и разностороннего, в чьей судьбе отразились противоречия эпохи средневековья...

Владимир Кулешов пришел в театр в тот период, когда в искусстве четко обозначилась тенденция активных поисков «интеллектуального героя» — нашего современника. Благодарные сценические данные сразу и надолго предопределили его устойчивый сценический успех. Уже с первых его ролей, и в частности — роли Максима в спектакле «Чти отца своего» (по пьесе В. Лаврентьева), режиссура отметила немаловажные свойства актерской индивидуальности Владимира — умение точно угадывать внутреннюю сущность своего героя, словно бы интуитивно распознавать движение самых тайных чувств и желаний персонажа — в общем, тот самый второй план, который чаще всего не совпадает с текстом роли... Однако за этой, казалось, «природной» интуицией стояла большая, кропотливая внутренняя работа, внешне тщательно скрываемая от постороннего глаза. О своем герое Кулешов всегда знает гораздо больше того, что стоит за текстом роли. В создании сценического образа актер основывается на личном жизненном опыте, литературе, искусстве. Умение постоянно анализировать помогает актеру интенсивно мыслить в образе. И этот живой процесс мышления своего героя он умеет сделать зримым. Пристальное внимание к окружающей жизни помогает Кулешову чутко и тонко контактировать на сцене с партнерами.

Творческая судьба актера (и особенно молодого) находится не только в собственных его руках, но и в режиссерском «видении» его актерской индивидуальности и личности. Не исключением является и судьба Владимира Кулешова. Если проанализировать его репертуарный список за весь десяток его актерских лет, то можно легко убедиться, что большинство сыгранных Кулешовым ролей можно вместить — не побоясь старой терминологии — в рамки амплуа «героя-резонера». Возникала проторенная дорожка, вырабатывался стереотипный герой (отрицатель-

ный или положительный — по тексту) с набором готовых, порой безликих качеств характера: этаким умника, солидного, ироничный, сдержанный, красивый. Однообразие репертуара тяготило актера. Его не всегда радовало то, что предлагали играть ему и о чем безнадежно мечтал кто-то другой, в то

тяжении многих лет считалась выразительнейшей его работой. А вот Анзор в спектакле «Не тревожься, мама! по пьесе Н. Думбадзе (постановка Б. Эрипа, 1972 г.) — здоровенный детина, тугодум. Спортсмен Анзор стремится быть среди «избранных», и потому несет службу телохранителя и

роютной сосредоточенностью и с большим запозданием, он постигает элементарные вещи. А сколько непропорционально буйного восторга выплескивает этот Болталон, постигнув смысл какой-нибудь пустяковины! То наивно-хитро-обольстительный и игривый, то буйный и трусливо-воинственный, то жалкий и чепуховый, как мокрая курица, — таков в общих чертах многомудрый дурень — принц Болталон в исполнении Владимира Кулешова.

В спектакле «Униженные и оскорбленные» (по инсценировке романа Достоевского) актер играет сложную роль князя Валковского. Чрезвычайно импозантный внешне (море светской воспитанности и вежливости!), но в сути своей — прогнивший пасквильщик, без чести, без совести, без морали.

когда говорит, уйма «сиюминутного оптимизма» и надежды... Надежды на угощение! Во второй раз — надежды меньше, жажды больше! Угощают слабо, надо добывать самому. Текста в роли мало — Кулешов находит действие: когда рабочие прогоняют Лагутина от забегаловки, Вова незаметно, бочком прокрадывается к их оставленным без присмотра стаканам... Вова страдает от одиночества, хотя и принимает гордый вид. В «Гайку» его тянет не только пагубная страсть к выпивке. Здесь он робко пытается прикоснуться к большой жизни, рабочей, трудовой жизни, которая для него безнадежно потеряна и по которой он, оказывается, страдает. Лагутин разрушил бульдозером пивную со всем ее запасом «чернил». Вова-Никотин на какую-то долю минуты остается на сцене один, потрясенный, забытый всеми и никому не нужный. «Пусть бы он лучше меня», — тихо говорит он. И в этой фразе — сложнейшее переплетение разноречивых чувств и страдания: погибло столько драгоценнейшего «эликсира», за который и жизни не жалко; боль за свою ненужность «для дела жизни»; отрезвленное, трагическое восприятие своего заброшенного положения в мире...

Что общее объединяет все эти отмеченные нами роли? Все новое: новые актерские ходы, новые краски — никакие штампов, повторений, стереотипов. Новое мироощущение образов...

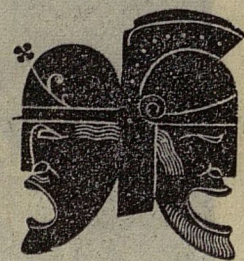
С первых дней актерской жизни Кулешову сопутствует удача. Работа над характерными ролями заметно поднимает его творчество на новый уровень. А прежним, запрограммированным успехам сообщает новое качество и вселяет серьезную надежду на быстрый рост Кулешова как актера широкого диапазона.

Г. ВОЛЧОК,

аспирант Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР.

НА СНИМКАХ: слева — Владимир Кулешов в роли архиепископа Кунцевича в спектакле «Віцебскія званы»; справа — в роли Размысловича (спектакль «Тревога»).

Фото С. КОХАНА.

УДАЧИ И НАДЕЖДЫ ВЛАДИМИРА КУЛЕШОВА

время как сам он помышлял о ролях совершенно иного типа, которые доставались, в свою очередь, другим. Эти «иные» роли — характерные.

Первая из ролей такого плана — Казик Жиготский в спектакле «Война под крышами» (по инсценировке романа А. Адамовича), поставленном Ю. Щербаковым в 1967 г. Высокий, худой, нескладный парень, славный сосед Корзунов, приятный балагур, на словах — патриот, а на деле — холуй и предатель! Чрезвычайно выразительно играл Кулешов последнюю сцену: Жиготский со страхом ожидает возвращения наших. Сколько мелкой слюнявой трусливости в его панических движениях, в трясущихся руках, в плаксиво-нудных выкриках! Роль Казика явилась открытием нового актерского качества Владимира и на про-

держиморды при новомодном поэте Геле Вашакидзе.

Чрезвычайно интересно показал себя Владимир в детской сказке «Волшебные кольца Альманзора» по пьесе Т. Габбе, сыграв роль незадачливого искателя королевы Болталона. Постановщик спектакля В. Забелло предоставил актерам почти неограниченную свободу, и Кулешов ею максимально пользовался. У его Болталона оптимистически загнутый вперед тонкий нос, пышные редкие усы, красные ботфорты, воинственно выпяченная из-под плаща кираса. Но нет одного уха: отрубили! И напоминающие об этом его постоянно злит. В таких случаях он геройски надувается, как гусак, и толкает обидчика грудью своего буфторского коня или угрожающе пытается извлечь свой длиннющий меч. С неве-

В гастрольных спектаклях нынешнего года В. Кулешов предстал в инсценировках: в «Снежных зимах» И. Шамякина и «Истории греха» С. Жеромского, где он играет роли Ивана Ивановича и Лукаша Неполомского. В спектакле «Тревога» А. Петраскевича — прокурора Размысловича, в «Таблетке под языком» А. Макаенка — «представителя сверху» Ломтева, в «Сталеварах» В. Бокарева — Вову-Никотина.

Вот об этой работе хочется сказать несколько слов. Вова-Никотин в прошлом — замечательный краповщик, талантливый парень, — но это — все в прошлом. Сейчас он — жалкий раб «зеленого змия». Замусоленный берет, на лице щетина, грязный свитер под низдаком, хриплый от алкоголя и никотина голос, легкое покашливание,